

Памяти Павла Яковлевича Макутона

А.С. Кармин

ЛЮБОВЬ И КУЛЬТУРА: КУЛЬТУРНЫЕ СЦЕНАРИИ ЛЮБВИ

Павел Яковлевич Макутон был моим сокурсником и оставался близким другом на протяжении всей жизни. После окончания Ленинградского университета мы оказались вдали друг от друга, но постоянно переписывались и время от времени встречались. Павел был яркой и интересной личностью, человеком талантливым, горячим и увлекающимся. У него была поразительная работоспособность. На философском факультете, где в одно время с нами грызли гранит науки такие блистательные умы, как В.П.Бранский, Л.А.Микешина, А.Г.Здравомыслов, С.Н.Иконникова, Б.Д.Парыгин и многие другие, ныне широко известные философы, социологи, культурологи, Павел был одним из лучших студентов. Став преподавателем, он сохранил юношескую любознательность и в нашей многолетней переписке постоянно изумлял меня широтой своей эрудиции. Павла всегда особенно увлекали проблемы философии истории и социальной философии. Он как в теории, так и на практике был подлинным гуманистом. В кругу его научно-философских интересов центральное место занимали сфера человеческого общения, духовных отношений, духовных чувств. Может быть, потому, что для него самого такие отношения и чувства были высшей ценностью. Ему была свойственна особая душевная теплота, которую ощущал, наверное, всякий, кто общался с ним. В последние годы жизни темой его работы стала философия любви. Этой теме посвящена его замечательная книга "Любовь, любовь, любовь...".

Задуманная как популярный историко-философский очерк и написанная просто, легко и красиво, книга П.Я.Макутона содержит немало глубоких мыслей, заслуживающих внимания не только широкого круга юных читателей, к которому она обра-

щена, но и профессионалов-философов. Некоторые из ее идей и положены в основу данной статьи.

"Культура чувств исторична и индивидуальна. Она определяется как культурой эпохи, так и культурой личности", – писал П.Я.Макутон, имея в виду, прежде всего, чувство любви.¹ Я хочу остановиться на первом из указанных им аспектов – историчности любви и ее зависимости от культуры.

Любовь, при всей своей исключительности и неповторимости, подчиняется существующим в культуре сценариям.

Даже сексуальное влечение – биологическая почва, на которой растет цветок любви, – принимает культурно обусловленные формы. На заре человеческой истории, в первобытной орде, допускался промискуитет – беспорядочные половые сношения. Появление половых табу было первым наложением культурного начала на сексуальный инстинкт. Оно означало ограничение сексуальных отношений зарождающимися социальными отношениями, нравственными нормами. Во многих примитивных культурах вводился запрет на половые сношения на время важных коллективных дел – видимо, чтобы избежать конфликтов, рождавшихся в условиях промискуитета. Еще в недавнем прошлом сваны в Грузии, пигмеи в Африке, моту Новой Гвинее соблюдали обычай воздерживаться от половых сношений в ночь перед охотой, а меланезийцы – в течение нескольких недель. Возникновение парной семьи еще более ограничило удовлетворение сексуальных потребностей социально-культурными рамками. Современная цивилизация проникает даже в самую биологическую природу секса и деторождения, вводя в норму применение презервативов и других противозачаточных средств (что ортодоксы-католики осуждают как вмешательство в Божий замысел).

В разных культурах складываются различные формы эротики и сексуальных действий. На Западе при поцелуе нос прижи-

¹ Макутон П.Я. Любовь, любовь, любовь... Минск, 1997. – С.12.

мается к щеке партнера, а у эскимосов и полинезийцев в любовном поцелуе обязательно нужно потереться носами. В Индии издревле культивировалось сексуальное наслаждение и разнообразие позиций в половом акте (на стенах храма богини Кали в Кхаджурахо высечены изображения нескольких десятков позиций). А в средневековой Европе согласно христианской морали "сладострастие" осуждалось. Считались греховными все позиции, кроме классической ("миссионерской"), да и в той, по мнению блюстителей религиозной нравственности, женщина должна быть неподвижной (предполагалось, что, как писал еще в I в. до н.э. Лукреций, "в сладострастных отнюдь не нуждаются жены движеньях", ибо это мешает зачатию). Таким образом, культура оформляет и нормирует физиологию любовных отношений, точно так же как она это делает по отношению к другим физиологическим отправлениям человека (например, процессу еды). Что же касается духовно-психологического содержания любви, то оно полностью формируется в ходе культурно-исторического развития человечества.

Половые табу в первобытном обществе стали предпосылкой возникновения избирательности – первой нормы индивидуальной любви как формы человеческих (а не чисто животных) отношений. В античной литературе любовь описывается еще как чисто телесное влечение к определенному лицу. О духовном общении речь почти не идет. Характерно, что Пигмалион влюбляется в созданную им бессловесную статую: видимо, древнегреческих мужчин не слишком интересовал духовно-интеллектуальный мир любимой женщины. Правда, Платон уже различал любовь чувственную и любовь духовную ("Эрот Афродиты земной" и "Эрот Афродиты небесной"), ставя вторую выше первой. Но духовную любовь между мужчиной и женщиной он считал невозможной. В античные времена духовное общение существовало только между мужчинами (некоторые гетеры – вроде знаменитой Аспазии, возлюбленной Перикла – это редкое исключение). Соединение телесного и духовного общения могло случаться только в гомосексуальной любви, которая была обычным явлением в Греции и Риме.

Представление о том, что чувственная любовь есть удел людей заурядных, тогда как духовная – благо, доступное лишь немногим избранным, прочно утвердилось в культуре эллинизма. Новый поворот в развитии этой идеи был сделан христианством. Оно провозгласило духовную любовь божественным даром, всеобщей основой и "истинной сущностью" взаимоотношений между Богом и человеком, между людьми и народами, между человеком и миром. Вместе с тем, духовная любовь стала рассматриваться в христианском учении как высшая ценность для всех людей, а не только для избранных. В любви между мужчиной и женщиной стали видеть лишь частное проявление любви как высшего блага, дара Божьего (и притом отнюдь не самое лучшее проявление, ибо в ней присутствует плотское начало, оскверняющее любовь как духовное отношение к Богу, миру и человеку). Но все же такое представление о половой любви распространило на нее общие принципы христианской нравственности. В первом послании апостола Павла к Коринфянам (гл.13) изложен своего рода "канон любви" – система правил, которыми должна руководствоваться всякая любовь, в том числе и половая:

1. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится,
2. не гордится,
3. не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,
4. не радуется неправде, а сорадуется истине;
5. все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.
6. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

В реальной жизни, однако, любовные отношения редко строятся в полном соответствии с этим канонам. Как выразился знаменитый остроумец XVII века Ларошфуко, "истинная любовь похожа на привидение: все о ней говорят, но мало кто ее видел".

В спорах о том, что такое настоящая любовь и существует ли она или же ее выдумали поэты и философы, скреещивают ко-

пья и "юноши, едва увидевшие свет", и "умудренные судьбой бойцы с седой головой". Но под рокот этих словесных баталий, которые каждое поколение начинает заново, реальная жизнь демонстрирует нам разнообразные образцы любовных отношений. Получая отражение в устных преданиях, в поэзии и прозе, в музыке и живописи, в романах и философских трактатах, такие образцы становятся примерами, в соответствии с которыми строятся сценарии любовных отношений. "Любви все возрасты покорны", но та любовь, которой они покорны, – это не "привидение", не идеальная, единственно истинная любовь, а любовь реальная, "настоящая" в том смысле, что ее по-настоящему переживают. На поверку она оказывается очень разной. Культура облекает различные ее варианты в одежды символов, ритуалов и ролевых норм, которые программируют как поведение самих участников любовного действия, так и реакцию общества на это поведение.

Сценарий рыцарской любви в Средневековье предполагал, что она должна публично демонстрироваться. Рыцарь был обязан петь серенады под окном дамы сердца, но более тесное духовное и физическое общение при этом было совсем не обязательным. А вставая на путь любовных приключений, описанных Боккаччо в "Декамероне", можно было идти на любые хитрости ради физического обладания предметом страсти, но сам факт этого обладания надлежало держать в секрете.

Сценарий куртуазной любви в аристократических кругах требовал от любовников внешней учтивости и необычайной галантности; особенно ценилось искусство вести занимательный и остроумный разговор, но высокая нравственность большой цены не имела. А в протестантских общинах любовь, наоборот, не мыслилась иначе как в рамках брачных уз, и в любовном общении ценилось отнюдь не тонкая эротика галантных намеков, а порядочность, верность супружескому долгу, забота о благополучии семьи.

Идеалы сентиментальной любви, описанной в романах Ричардсона (тех самых, которыми зачитывалась пушкинская Татьяна в "Евгении Онегине") предполагали, что любящий будет безудержно восторгаться прелестью своей возлюбленной, а она

будет вести себя робко и стыдливо, и вместе они будут ахать, охать и лить слезы; в случае же безответной любви вполне возможно, что выходом станет смерть. После того, как Гете описал любовные страдания юного Вертера, закончившиеся его гибелью, в Германии поднялась целая волна самоубийств на любовной почве (у Карамзина смерть бедной Лизы – характерный пример того, как завершается трагедия крушения сентиментальной любви).

Сценарий романтической любви тоже налагает на любящего обязательство боготворить возлюбленную, но в отличие от сентиментальной любви, здесь от него ожидаются не словесные излияния, вздохи и слезы, а геройские подвиги, в случае же любовной неудачи – гордый уход в одиночество и тоже гибель, но где-нибудь в бою или в борьбе с дикой природой.

Французский мыслитель XVIII в. Гельвеций отмечал, что характер любовного общения зависит "от степени праздности" партнеров: "У занятого народа любви придают мало значения. Любовь здесь непостоянна и столь же непродолжительна, как цветение роз... У праздного народа любовь становится делом, она более постоянна... Богатая женщина не знает, как проводить свое время. Скука преследует ее. Желая избавиться от нее, она берет любовника... Иное дело – жена земледельца. Здесь супруги любят друг друга, потому что оба заняты и полезны друг другу: жена трудится на птичьем дворе и кормит грудью детей, в то время как муж обрабатывает землю".²

В литературе XVII-XVIII вв., по мнению П.Я.Макутона, обрисовывались два основных вида любви, характерных для того времени: "Первый – это разумная, рассудочная любовь, в которой порядочный человек видел свой долг. Он вступал в брак, был защитником и кормильцем семьи, воспитателем собственных детей, добрым другом, советником, опорой супруги, честным бюргером и порядочным гражданином. Второй предполагал любовь как утеху, забаву, наслаждение с любовницей, легкомысленной, веселой, шаловливой и кокетливой. В первом случае любовь – будни, во втором – праздник; в первом – под-

² Гельвеций К. Соч., в 2-х т., т.2. – М., 1974. – С. 393.

виг, во втором – грех... В реальной же действительности крайности сходились: конкретный человек мог иметь и пуританскую семью, и шаловливую кокетку-любовницу".³

Это, очевидно, взгляд с мужской точки зрения. Для женщины же, соответственно, сценарий первого вида любви предлагает роль хозяйки, матери, хранительницы домашнего очага, добродетельной супруги верного и надежного спутника ее жизни, а сценарий второго вида – наполненную удовольствиями и развлечениями жизнь любовницы, окруженной заботами внимательного, щедрого и галантного кавалера, который охотно выполняет любые ее прихоти (правда, здесь ролевые ожидания мужчины и женщины могут оказаться противоречащими друг другу).

Идущее от Платона различие любви чувственной и духовной стало лишь первым шагом к анализу разнообразия ее видов. Известно много попыток построить более развернутую типологию любовных отношений.

Стендаль в его знаменитом трактате "О любви" (1822) выделял 1) любовь-страсть, 2) любовь-влечение, 3) физическую любовь, 4) любовь-тщеславие. При этом он, однако, признавал условность своей классификации. "Впрочем, – замечал он, – вместо того чтобы различать четыре рода любви, вполне возможно допустить восемь или десять разновидностей ее".⁴

Н.Бердяев считал важным различие между любовью восходящей и любовью нисходящей. Первая – это влюбленность. "Влюбленность есть притяжение вверх, восхищение, она доходит до творческого экстаза", и вместе с тем "предполагает ущербность, неполноту, тоску по восполнении, притяжению к тому, что может обогатить". Вторая – любовь-жалость, любовь-сострадание. Она "ничего не ищет для себя, она от избытка дает другим". В любви эти две ее разновидности могут и сочетаться вместе.⁵

Наиболее развернутая типология любви была предложена в 1970х гг. Дж.Ли и проверена психологами Клайдом и Сьюзен

³ Макутон П.Я. Любовь, любовь, любовь... – Минск, 1997. – С. 101-102.

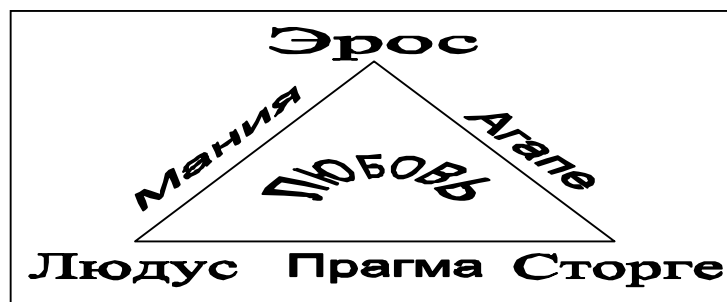
⁴ Стендаль. Собр. соч., в 15 тт., т. 4. – М., 1959. – С.364.

⁵ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. – Париж, 1939. – С. 184.

Хендрик в 1980-1990-х гг. на больших выборках испытуемых.⁶ В ней выделяются шесть "стилей любви" – три "первичные" и три "вторичные", образованные сочетаниям двух "первичных". Эти стили обозначены древнегреческими словами:

- *Эрос* – страстное увлечение, стремление к физической близости;
- *Людус* – любовная игра, доставляющая наслаждение, но без глубокого чувства, допускающая возможность измены;
- *Сторге* – спокойная, теплая, надежная любовь-дружба;
- *Прагма* – из смеси сторге и людуса, рассудочная, поддающаяся сознательному контролю любовь по расчету;
- *Мания* – смесь эроса и людуса, одержимость, непреодолимая страсть, иррациональная зависимость от объекта;
- *Агапе* – бескорыстная самоотдача, синтез эроса и сторге.

Соотношение этих "стилей любви" схематически представлено на следующем рисунке:

Разнообразие существующих в действительности видов любви трудно подчинить какому-то единому идеалу. Во всяком случае, история свидетельствует, что за две тысячи лет после возникновения христианства практика любовных отношений явно не приблизилась к реализации христианского идеала любви. Более того, религиозно-аскетическое осуждение "плотских утех" как греха и допущение полового акта только в целях дето-

⁶ См. Кон И.С. Введение в сексологию. М., 1988.

рождения с течением времени все больше становилось скорее исключением, чем правилом. Даже католические прелаты и монахи, обязанные свято соблюдать целибат, не слишком усердствовали в этом, и нередко целые монастыри превращались в гнезда разврата. А в светской культуре любовное общение включало "радости плоти" в качестве одного из своих постоянных и самых привлекательных атрибутов.

В XVIII веке в наиболее резкой и циничной форме вызов церковной половой морали бросил маркиз де Сад. Высмеивая духовную любовь как "душевное безумие", он противопоставил ей "чувственное наслаждение", которое должно быть свободным от всяких культурных норм и ограничений. Нужно, считал он, освободиться от стыда, от супружеских и семейных форм полового общения, вернуться к "естественным", не упорядоченным никакими культурными нормами отношениям полов.

В России религиозную трактовку любви сурово критиковал Н.А.Бердяев: "Христианские теологи, учителя Церкви, официальные представители христианства никогда не могли ни сказать о любви, кроме пошлостей, и даже не замечали ее".⁷

Против религиозного замалчивания и порицания физической стороны страстно протестовал В.В.Розанов. "Могло ли бы когда-нибудь прийти на ум, – писал он, – окружить религиозным культом питание, кровообращение, дыхание, мускульный труд и ввести это в обряды церкви? Между тем это сделано, и не у одного народа, а у всех – относительно размножения. Венчание есть ритуал церкви, учение о браке есть отдел христианского богословия... О столь важной вещи, которую чтут религия и наука, и от которой мы все происходим, которая есть "податель нашей жизни" и след., почти Божественна, мы и все народы не говорим вслух, а шопотом и закрываем ее пологам, а ночь закрывает ее темнотою, и вообще "глаз не должен ее видеть", а язык не должен произносить ее имя"...⁸

Согласно П.Сорокину, религиозно-христианский взгляд на любовь был характерен для идеационного типа культуры, существовавшего в средневековой Европе, а начавшееся с XV в. раз-

⁷ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. – Париж, 1939. – С. 1873.

⁸ Розанов В.В. Афродита и Гермес // Весы, 1905, №5. – С.44.

витие сенсативной культуры привело к типичному для последней акцентированию чувственной стороны любви.⁹

С конца XIX в. протест против религиозных "оков" любви влился в нестройный хор голосов, провозглашавших необходимость пересмотра культурных традиций. Марксизм и ницшеанство, модернистские веяния в искусстве и сотрясение основ классической науки, классовые битвы и феминистское "восстание против мужчин" – все это с разных сторон подрывало духовные устои сложившегося общественного порядка. И "проблема пола" стала одной из модных тем, где развернулась критика "буржуазного лицемерия". З.Фрейд выдвинул идею о том, что вся человеческая культура возникает как результат сублимации либидо, т.е. переноса сексуальной энергии из половой сферы в сферу творческой деятельности. У русского философа и литературоведа М.О.Гершензона не только половой инстинкт, но и вообще любовь как феномен в целом выносятся за пределы культуры: "Любовь есть полярная противоположность культуры", ибо культура "орудийна", она создается орудийной деятельностью, в которой личность выражает себя всегда лишь частично, тогда как любовь "паче всего лелеет ценность единичного" и потому охраняет целостность обеих охваченных ею личностей.¹⁰

Стремление освободить любовь от культурных ограничений проявилось в так называемой "сексуальной революции" XX века. Фрейдомарксист Г.Маркузе в книге "Эрос и цивилизация" (1955) объявил ее "Великим отказом" от предшествующей культуры, освобождением чувств от контроля разума. Действительно, "сексуальная революция" выразилась в "раскрепощении секса", поиске новых форм семьи и пр. Однако к концу века оказалось, что хотя нормы гендерного поведения заметно изменились (половая мораль стала более либеральной, внебрачные связи – более распространенными, вопросы секса – более открытыми), опасения, что это приведет к разрушению идеалов любви и сведению ее к "голому сексу", были напрасными. Любовь не исчез-

⁹ Сорокин П. Таинственная энергия любви // Социологические исследования, 1991, №№ 8-9. Сорокинская концепция типов культуры была рассмотрена в ОКМК, гл.5, §§6.3-6.6).

¹⁰ Гершензон М. Тройственный образ совершенства. – М., 1918. – С. 82.

ла, но секс перестал быть чем-то оскверняющим ее. Социологические исследования свидетельствуют, что "сексуальная революция" не ослабила (а может, и увеличила) веру в существование "большой", "настоящей" любви. Так, при опросе немецких и советских студентов в 1990 году, когда на Западе "сексуальная революция" уже закончилась, а в СССР, пожалуй, еще только начиналась, оказалось, что уверены в существовании "большой любви" 53% студентов в ФРГ, 49% – в ГДР и только 33% в СССР. А по числу сексуальных партнеров советские студенты намного опередили немцев, переживших "сексуальную революцию". Среди опрошенных молодых американцев 90% подчеркнули, что не мыслят брак без любви, тогда как российская молодежь, видимо, придает любви гораздо меньше значения: готовы вступить в брак без любви 30% мужчин и 41% женщин.¹¹

Но что же представляет собою "настоящая", "большая" любовь? Религиозное принижение "плоти" вряд ли входит в современные идеалы любви. Противопоставление чувственной и духовной любви, "радостей плоти" и "радостей души", по-видимому, ушло в прошлое. Мало кто ныне сомневается в том, что полноценная взаимная любовь между мужчиной и женщиной включает секс как свой естественный компонент. Люди – не ангелы, и их любовь – не ангельская. Однако мнения об идеальной любви весьма неоднозначны (что, впрочем, не является специфической особенностью нашего времени).

Всякий идеал есть нечто принципиально отличное от того, что существует в действительности. В этом отношении идеальная любовь подобна многим другим идеалам. Например, идеальный математический маятник или идеальный газ – это объекты, которые в действительности не существуют и существовать не могут. "Идеальная любовь" – это такая же воображаемая вещь, как "идеальная справедливость", "идеальная красота", "идеальное общество".

Никогда в истории не было общества, которое все единодушно сочли бы идеальным. Что такое идеальная справедливость: полное равенство? или равные возможности? или "каж-

¹¹ См.: Кон И.С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. – М., 1997. – С.257-258; Майерс Д. Социальная психология. – СПб., 1997. – С. 563.

дому по труду"? Может быть, она выражена в коммунистическом принципе "от каждого по способностям, каждому по потребностям"? Но возможно ли обеспечить реальное осуществление этого принципа? В конечном счете, ответ на эти вопросы зависит от социально-культурных установок, из которых люди исходят. Реальность может более или менее соответствовать избранному людьми идеалу, но никогда не совпадает с ним. Однако, имея в уме некий идеал, люди могут действовать, приближая своими усилиями действительность к этому идеалу. Так же и с любовью.

Об идеальной любви, как и о всяком идеале, можно сказать, что, во-первых, ее можно представлять по-разному, поскольку идеал – продукт воображения; во-вторых, нельзя определить, какое из разных представлений об идеальной любви является истинным: ведь истина – это отражение какого-то предмета действительности, а если неясно, что в действительности служит предметом отражения, то нет и объективного критерия оценки истинности; отсюда, в-третьих, следует, что каждый может следовать тому идеалу любви, который ему нравится.

Это, однако, не означает, что представления людей об идеальной любви строятся совершенно произвольно. Выбор идеала любви, в конечном счете, обусловлен тем *полем выбора*, который предоставлен личности культурой. Любящему представляется, что он (или она) ведет себя в любви так, как того требует "природа" его личности. И это действительно так. Но особенности личности проявляются в том, какой из заложенных в культуре возможных сценариев любовного поведения она выбирает. Разные формы любви окрашены культурой разными красками – розовая сентиментальная любовь, бесцветная любовь-привычка, кровавая любовная драма, черная демоническая страсть, голубая гомосексуальная любовь. Каждый выбирает краску, которая больше подходит его натуре...

В культурном пространстве исторически складываются и существуют различные идеалы и сценарии любви, но в каждом типе культуры действуют социальные, нравственные, психологические установки, которые делают какие-то идеалы и сценарии предпочтительными, а какие-то осуждают как недостойные

культурного человека. Вместе с тем есть и некоторые общечеловеческие, универсальные ценности и идеалы, ориентирующие людей всегда и всюду искать в любви высшей человеческой близости, преданности, взаимной поддержки. "Канон любви" апостола Павла не утратил своей значимости и сегодня.

Уже Стендаль подчеркивал, что существуют "одни и те же законы", по которым любовь рождается, живет и умирает. Современные психологические исследования показывают, что обязательными нормами любовного общения для всех любовных пар являются взаимопонимание, взаимоподдержка, удовольствие от общения друг с другом. З.Рубин, выделив привязанность, заботу и интимность в качестве факторов любовного общения, провел наблюдения над несколькими сотнями любовных пар и обнаружил, что чем выше показатели, характеризующие силу этих факторов, тем больше пары склонны "не сводить глаз друг от друга", обращая мало внимания на окружающих.

Одним из главных препятствий на пути к "настоящей" любви нередко становится опасение, что любовь останется неразделенной, боязнь отдаться чувству, не получив ничего взамен. Но, по выражению Цветаевой, "любовь – это все цветы в огонь, и все задаром". "Торговые отношения" же (по принципу эквивалентного обмена – "ты мне, я тебе"), проникая в мир любви, становятся барьером на пути развития любовных чувств. Отсюда проистекает рассогласованность чувственного и душевного влечения, страх близости.

Это ярко демонстрируют герои известного фильма Э.Рязанова "Ирония судьбы, или с легким паром":

"В течение двух часов герои друг от друга отказываются. Они ведут себя так, словно заранее уверены в неудаче. Любимая любовь русских – несчастная любовь. В ход идут малейшие зацепки – друзья-подруги, женихи-невесты, летят за окно фотографии и билеты. Но в том и состоит цель их любовной игры, чтобы в секс не ввязаться, избежать его. Оба они боятся осложнить собственную, пусть не совсем счастливую, но стабильную жизнь. В этих поведенческих установках коренится причина их

одинокчества. Больше всего они страшатся взять на себя ответственность за другого человека".¹²

В современном рыночном обществе любовь – товар дефицитный. "И все же любовь не исчезла. Просто снизился уровень духовности, острый кризис идеалов обесценил ее. В результате духовный мир любви сегодня беднее, чем в прошлые десятилетия..."¹³

Что принесет XXI век? Какой станет культура любви в III тысячелетии? Это зависит от того, каким будет вообще весь мир человеческой культуры.

¹² Отрывок из газетной статьи Л.Луниной цитируется по кн.: *Кон И.С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке*. М., 1997. – С.255

¹³ *Макутон П.Я. Любовь, любовь, любовь...* Минск, 1997. – С.12.